

В поисках
утраченного
времени

Из собрания сочинений

По направлению к Свану
Под сенью девушек в цвету
У Германтов
Содом и Гоморра
Пленница
Беглянка
Обретённое время

Марсель Пруст
Из собрания сочинений

**В ПОИСКАХ
УТРАЧЕННОГО
ВРЕМЕНИ**

БЕГЛЯНКА

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
П85

Перевод с французского Николая Любимова

Пруст, М.

П85 В поисках утраченного времени. Беглянка / М. Пруст;
[пер. с франц. Н. Любимов]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство
ФТМ, 2018. – 314 с.

ISBN 978-5-521-74691-0 (т.6)

ISBN 978-5-4467-3376-7

Цикл автобиографических романов французского писателя-модерниста Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» продолжает шестая книга «Беглянка». Роман-исповедь и роман-воспоминание погружает читателя в мир Пруста, в котором прошлое и настоящее, сплетаясь между собой, открывают удивительное и бесконечное движение человека в глубину своей внутренней Вселенной.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74691-0 (т.6) © Т8 RUGRAM, 2018
ISBN 978-5-4467-3376-7 © ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Перевод. Н. Любимов, наследники, 2018

Беглянка

«Мадмуазель Альбертина уехала!» Насколько страдание психологически сильнее, чем сама психология! Только что, осмысливая свое душевное состояние, я думал, что разлука без последнего свидания — это как раз то, о чем я мечтаю, я сопоставлял небольшие удовольствия, какие доставляла мне Альбертина, с богатой палитрой влечений, которым она препятствовала, и сознание, что она живет у меня, мое угнетенное состояние дало им возможность выдвинуться в моей душе на первый план, но при первом же известии об ее отъезде они не выдержали соперничества — мгновенно улетучились, я переломился, я пришел к выводу, что не хочу больше ее видеть, что я ее разлюбил. Но слова: «Мадмуазель Альбертина уехала» причинили мне жгучую боль, я чувствовал, что мне с ней не справиться, я должен был прекратить ее; испытывая такую же нежность к самому себе, какую испытывала моя мать к умирающей бабушке, я шептал себе слова утешения, какими успокаивают любимое существо: «Потерпи минутку — мы найдем тебе лекарство; не волнуйся — мы тебе поможем». Я смутно догадывался, что если прежде я относился к отъезду Альбертины безразлично, что он был мне далее приятен, то лишь потому, что я в него не верил; когда же это произошло, инстинкт самосохранения стал искать простейшего болеутоляющего средства для моей открытой раны: «Это все пустяки, я мигом ее верну. Я все взвешу, но в любом случае вечером она будет здесь. Значит, и волноваться нечего». «Все это пустяки», — так я сказал не только себе, но и постарался, скрывая свои мучения, убедить в этом Франсуазу: даже когда я любил Альбертину

безумной любовью, я все-таки заботился о том, чтобы моя любовь казалась другим счастливой, взаимной, особенно — Франсуазе, не жаловавшей Альбертину и сомневавшейся в ее искренности.

Да, незадолго до прихода Франсуазы я был уверен, что разлюбил Альбертину, я был уверен, что ничего не упустил из виду, я полагал, что изучил себя, как говорится, до тонкости. Но наш рассудок, каким бы ясным он ни был, не замечает частиц, из которых он состоит и о которых он даже не подозревает до тех пор, пока что-то их не разобщит и летучее состояние, в коем они, главным образом, пребывают, нечувствительно сменится застыванием. Я ошибочно полагал, что вижу себя насквозь. Однако внезапный приступ боли снабдил меня неумолимым, неопровержимым, необычным, как кристаллическая соль, знанием, которого мне не дал бы и самый тонкий ум. Я так привык к тому, что Альбертина тут, рядом, и вот, неожиданно — новая грань Привычного. До сих пор я видел в Альбертине разрушительную силу, подавляющую мою личность, подавляющую мое восприятие действительности; теперь же я видел в ней прочно прикованное ко мне странное божество с невыразительным лицом, до такой степени отчетливо отпечатавшимся в моем сердце, что, если это божество от меня отделится, если это божество, которое я едва различаю, от меня отвернется, то это причинит мне невыносимую муку, а значит, оно жестоко, как смерть.

Мне хотелось как можно скорей ее вернуть, и я тут же начал читать ее письмо. Мне казалось, что это в моей

власти: ведь будущее существует лишь в намерениях человека, и нам представляется, что их можно изменить in extremis¹ нашей воли. Но я не забывал и о влиянии других сил, с которыми, даже если бы в моем распоряжении было больше времени, я не мог бы ничего поделать. Что в том, что час еще не пробил, если мы бессильны что-либо изменить в грядущем? Когда Альбертина жила у меня, я решил сам пойти на разрыв с ней. И вот она уехала. Я распечатал конверт. Привожу ее письмо:

Друг мой! Простите, что я не осмелилась сказать Вам те несколько слов, которые Вы сейчас прочтете, но я такая трусиха, я всегда так перед Вами робела, что, как я себя ни заставляла, у меня все-таки не хватало решимости. Мне надо было бы сказать Вам вот что: наша совместная жизнь стала невозможной (кстати, на днях Ваша выходка показала, что в наших отношениях что-то изменилось). Что удалось нынче ночью уладить, то спустя несколько дней могло бы стать непоправимым. А потому, раз уж нам удалось помириться, давайте расстанемся добрыми друзьями; вот для чего, милый мой, я и пишу Вам эту записку: я прошу Вас не поминать меня лихом и простить меня, если я Вас огорчаю; поверьте: мне безумно жаль прошлого. Любимый мой! Я не хочу быть Вам в тягость, мне будет больно ощущать Ваше быстрое охлаждение: приняв окончательное решение, я,

¹ Последним усилием (лат.).

прежде чем передать Вам письмо, велю Франсуазе уложить мои вещи. Прощайте! Все лучшее, что есть во мне, я оставляю Вам.

Альбертина.

«Все это одни слова, — подумал я, — это даже лучше, чем я себе представлял, не обдумав хорошенько своего шага, она, очевидно, написала письмо с единственной целью — нанести мне сокрушительный удар, чтобы напугать меня. Надо как можно скорее найти способ вернуть Альбертину сегодня же. Противно, что Бонтаны так корыстолюбивы: пользуются племянницей, чтобы вымогать у меня деньги. Э, да не все ли равно! Если я ради того, чтобы немедленно вернуть Альбертину, отдам г-же Бонтан половину своего состояния, мы с Альбертиной все-таки проживем безбедно». Одновременно я соображал, успею ли я утром заказать яхту и роллс-ройс, о которых она мечтала; я ни секунды не колебался, мне в голову не приходила мысль, что дарить их ей безрассудно. Даже если согласия г-жи Бонтан окажется недостаточно, если Альбертина не пожелает подчиниться тетушке и поставит условием своего возвращения полную свободу — что ж, каких бы страданий это мне ни стоило, я предоставлю ей свободу: она будет уходить одна, когда захочет; надо уметь идти на жертвы, как бы ни были они мучительны, ради того, что вам всего дороже, самое же для меня дорогое, в чем бы я себя утром ни уверял, приводя неопровержимые и вместе с тем бессмысленные доводы, это чтобы Альбертина жила здесь. Надо ли говорить, какая мука была для меня — предоставлять ей свободу? Если бы я стал это отрицать,